

РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Развод с драконом

Хозяйка, которую стерли из рода

Александр Витальев

Александр Витальев
Развод с драконом. Хозяйка,
которую стерли из рода

<https://litres.ru/74066624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элиса Вейл была женой и хозяйкой лорда Рейнара Морра, пока род не вычеркнул её имя из брачного договора и не вернул в дом как вещь. Теперь королевский приказ возвращает её обратно: по замку ползёт проклятие, питающееся стёртыми именами прежних жён, и только её магия очага умеет возвращать правду через вещи. Чтобы спасти дом, ей придётся заново войти в кухни, лечебницы и архивы, где её помнят лучше, чем бывший муж. А Рейнару - впервые не приказать, а попросить, и выдержать отказ женщины, которую он сам лишил имени.

Содержание

Глава 1. Приказ с печатью	4
Глава 2. Дорога в грязи	15
Глава 3. Чужие покои	23
Глава 4. Кабинет без огня	37
Глава 5. Пальто на крючке	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Витальев

Развод с драконом.

Хозяйка, которую стерли из рода

Глава 1. Приказ с печатью

Грязь на моих сапогах засохла ещё на подъезде к постоялому двору, и я знала, что к утру потрескается кожа, если не смазать. Это была первая мысль, когда за мной закрылась дверь: не о том, что я уезжаю, не о том, что меня вернули, — о сапогах. Потом о мыле, которое лежало в узелке на самом дне, под сменой белья, под платком, под тем, что я брала с собой, когда уходила из замка два года назад. Я тогда тоже думала о вещах, а не о себе. Удобнее.

За столом сидел человек, которого я раньше видела только в чужом окне. Не в замке, нет. В городской канцелярии, куда меня вызывали на подпись о разводе, и он стоял в углу, у печати, и не смотрел на меня, потому что смотреть на таких, как я, ему не полагалось. Королевский посланник. Не сам король, разумеется. Его голос, его воск, его молчание.

Он ждал. Я повесила узелок на гвоздь у двери, стянула

сапоги и поставила их к печке — носком к теплу, чтобы кожа не сжалась, — и только тогда подошла к столу. Он смотрел на мои босые ноги, на заштопанный чулок, на серое платье, которое я ношу вторую зиму, и лицо у него было то самое, какое бывает у людей, привыкших вручать печати: ничего. Гладкая, отполированная вежливость.

— Элиса Вейл, — сказал он, не спрашивая. Констатация. Я кивнула, не поправляя, что Вейл — это теперь моё собственное, а не его. — Вам надлежит явиться в род Черного Крыла для исполнения долга очага.

Я опустила на лавку напротив. Стол между нами был узкий, сосновый, с кольцом от кружки, которое кто-то залил воском и забыл стереть. На столе лежал пакет. Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

— Прочтите, — сказал он.

Я не хотела его читать. Я знала, что там. Короткая фраза о том, что меня возвращают, как вещь возвращают на склад: не потому, что скучали, а потому, что без меня не работает. Я всё равно протянула руку. Воск был тёмно-синий, почти чёрный, с оттиском короны и трёх маленьких зверей по кругу. Я провела пальцем по краю. Холодный. На ощупь — жирный, как застывшее сало.

— “Вернуть в род Черного Крыла для исполнения долга очага”, — прочла я вслух, чтобы он видел, что я умею. — Слово в слово.

— Разумеется, — сказал он. — Завтра на рассвете выезд.

Я пришлю повозку.

— Подождите, — сказала я. Он не ждал, но остановился, потому что я ещё не убрала руку от печати. — Здесь не написано “просим”. Здесь не написано “приглашаем”. Здесь написано “вернуть”.

Он моргнул. Один раз. Потом сложил руки на столе, поверх перчаток.

— Это и есть приглашение, госпожа Вейл. Формулировка утверждена королевской канцелярией.

— Госпожа, — повторила я, и сама удивилась, как сухо это прозвучало. — Два года назад меня вычеркнули из брачного договора. Слово “жена” стёрли в камне, а теперь — госпожа.

Он не ответил. Он ждал, когда я уберу руку от печати. Я убрала. Пакет остался лежать на столе. Я не свернула его обратно, и он это заметил, и я это заметила, и мы оба сделали вид, что не заметили.

— Мне нужно собраться, — сказала я. — И мне нужна бумага, что я не еду по своей воле.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который просит у дороги разрешения идти.

— Это не требуется.

— Я всё равно напишу.

— Как угодно, — сказал он и встал. Сапоги у него были хорошие, казённые, без трещин. У двери он остановился. — Элиса, — сказал он, и я поняла, что он впервые назвал меня по имени, потому что в канцелярии он не называл, и теперь

я узнала, что он умеет. — В замке вас ждут. Не все, но ждут.

Дверь закрылась. Я постояла у стола, глядя на пакет. Потом взяла его, поднесла к печке, но не сожгла. Положила в узелок. Если меня вернут, я поеду с этой бумагой. Она мне ещё понадобится.

Я зажгла огарок свечи, достала из-под стола чистый лист — у меня был один, я берегла его для счетов, — и написала сверху: "Я, Элиса Вейл, выезжаю в замок Черного Крыла не по своей воле, а по королевскому приказу". Подпись, да-та. Спрятала лист к остальным бумагам. Подумала и дописала внизу, мелко: "Сапоги смазать, мыло взять, ученическую книгу Миры не забыть". Это тоже было нужно. Без этого я бы не доехала.

Когда рассвет начал сочиться сквозь щели ставень, я уже стояла у окна, одетая, с узелком в руке. Узелок был тяжелее, чем я рассчитывала. В нём лежало мыло, смена белья, мой лечебный ящик, та самая королевская бумага, моя собственная записка, моток ниток, ножницы, сушёные травы в полотняном мешочке, и на самом дне — свёрнутый платок, которым я в последний раз обтирала лицо в замке, когда уходила. Я не помнила, зачем его взяла тогда. Помнила только, что не выбросила.

Повозка оказалась простой, с откидным верхом и мокрым от росы сиденьем. Возница был из тех, кого нанимают на один раз: чужой, неразговорчивый, в чужой куртке. Он помог мне забраться, закинул узелок в задок и тронул лошадь,

не оглядываясь. Я подоткнула юбку под себя, чтобы не секло грязью, и поехала.

Дорога шла через болотистый лес, и к полудню мы проехали только половину. Возница остановился у ручья напоить лошадь. Я сошла, размяла ноги, присела на мшистый камень. В кармане у меня лежал карандаш и клочок бумаги, и я машинально начала считать.

Два года аренды комнаты в городе. Сорок два серебряных. Лечебные травы, которые я покупала у старой Марты по сниженной цене, потому что помогала ей с поясницей. Двенадцать серебряных. Еда. Дрова. Мыло. Починка единственного зимнего платья, которое я купила на ярмарке в первый же месяц после развода, потому что в прежнем меня вычеркнули вместе с правом носить цвет рода. Восемь серебряных. Лечебный ящик я собрала сама, из старых коробок и купленных по дешёвке склянок. Это в счёт не шло. Это была моя работа, а работа — это не расход.

Семьдесят два серебряных — это всё, что у меня было на сегодня. Я убрала карандаш. Возница, не глядя на меня, сказал:

— Долго ехать ещё. Лошадь устала.

Я промолчала. Он добавил, помолчав:

— Жена лорда, опять.

Это не было вопросом. Это было подтверждением, что он знал, кто я, и знал, зачем меня везут, и ему от этого было всё равно, просто он подумал вслух, потому что мы ехали уже

долго, а разговор не клеился. Я отвернулась к лесу. Где-то в чаще прокричала птица, и крик был такой резкий, что у меня защемило в горле. Я не плакала, когда читала приказ. Не плакала, когда собирала узелок. Не плакала, когда ехала по грязи, считая чужие деньги. Заплакала в рукав, сидя на мшистом камне у ручья, от того, что незнакомый человек назвал меня так, как не имел права.

Жена лорда. Опять. Словно “опять” — это про меня, а не про его собственное неудобство от того, что он везёт чужую женщину в чужой дом.

Я вытерла лицо краем платка, тем самым, с самого дна узелка, и удивилась, что он пахнет не мной, а старой сушёной мятой, которую я клала в бельё ещё в замке. От него пахло домом, в котором меня уже не было.

Когда мы подъехали к воротам, солнце уже садилось. Замок стоял на холме, чёрный, с башней, в которой раньше жил фамильный архив, и с тремя дымоходами, из которых шёл дым только из одного. Это я заметила первым. Один дымоход. Значит, кухня топится, а лечебница и жилые покои — нет. Это было непорядок. Я отметила это про себя, как отмечала счета: автоматически, чтобы не думать о воротах.

Ворота были открыты. Возница остановился, не доезжая до моста. Дальше он не пошёл.

— Дальше сами, — сказал он. — Мне не положено.

Я взяла узелок, подобрала юбку и пошла по камню, чувствуя, как под подошвами стучит древняя кладка. Мост был

узкий, без перил, с водой внизу — не глубокой, но чёрной. Я перешла, не оглядываясь. За мостом стоял человек в тёмной одежде, с ключами на поясе. Управляющий. Бранн. Я узнала его по походке: он всегда ходил так, будто считал шаги. Мы не были друзьями, но мы работали вместе, когда я ещё вела хозяйство, и я знала, что он помнит, как я раскладывала счета на его столе.

— Элиса, — сказал он. Не госпожа. Не бывшая. Просто имя. — Гостевая комната готова.

Я остановилась.

— Бранн, — сказала я. — В лечебнице дети. В кухне дым только из одного котла. Гостевая — это не первое, что нужно.

Он не ответил. У него в лице было то самое, что бывает у людей, получивших приказ: ни своего согласия, ни своего отказа. Он ждал, что я пойду за ним. Я пошла, но не сразу, а сначала поставила узелок на камень у входа, чтобы размять плечо, и только потом шагнула внутрь.

Гостевая комната была в восточном крыле, окнами во двор. Я знала, где она: на втором этаже, рядом с бельевой. В ней никто не жил, потому что в замке не бывало гостей, которых селили бы отдельно от хозяев. Раньше там держали старые подсвечники, которые я собиралась чинить, но не успела. Теперь подсвечников не было. Была кровать, стол, стул, таз для умывания, зеркало в тёмной раме. На столе стояла свеча — новая, толстая, видно, купленная специально. Я подошла к ней и проверила пальцем: воск мягкий, ни разу

не зажигали. Поставила на место.

Бранн стоял в дверях, не заходя. Он ждал, когда я скажу, что мне ещё что-нибудь нужно, и я знала, что не скажу, потому что просить его было бы всё равно что просить стену.

— Кровать чистая? — спросила я.

— Стелили сегодня.

— Бельё чьё?

Он помолчал.

— Общее.

Я кивнула. Общее — это значит, не моё. В замке было принято, что у каждой женщины рода было своё бельё, с меткой, с вышивкой, с её вензелем. Моё сожгли. Я это знала, потому что знала, как в замке поступают с вещами стёртых жён: не выбрасывают, а сжигают, чтобы имя не вернулось через ткань. Спасибо, что не сожгли узелок, который я унесла с собой. Хотя, скорее всего, об узелке просто забыли.

— Я устала, — сказала я. — Завтра поговорим о работе.

Он кивнул и ушёл. Я слышала, как заскрипели половицы под его шагами: ровно, как метроном. Потом — тишина. Свеча горела. Я не стала её трогать. Подошла к окну, отодвинула занавеску.

Двор внизу был знакомый. Колодезный сруб, навес, под которым сушили бельё, каменный стол, на котором я однажды раскатывала тесто, когда повар заболел, а в замке не было никого, кто умел бы делать пироги. Теперь стол был пустой. Навес покосился. Бельё на верёвке не висело: значит,

некому стирать, или некому развешивать, или некому смотреть.

Я опустила занавеску. В комнате стало темнее. Я села на кровать, не раздеваясь, положила узелок рядом, положила руку на лечебный ящик. Под пальцами — холодное дерево, холодная медь замочка, знакомый вес. Я знала каждую склянку в нём, каждую сушёную веточку, каждую свёрнутую тряпицу. Это была единственная вещь в замке, которая была по-настоящему моей, потому что я собрала её сама.

За стеной кто-то ходил. Тихо, осторожно, прижимаясь к стене, как будто не хотел, чтобы его услышали. Я знала, кто это. По походке, по тому, как он ступал — сначала на носок, потом на пятку, как будто вспоминал, что пол под ним его, а не чужой. Рейнар. Он не зашёл. Он постоял за стеной, и я слышала его дыхание — короткое, ровное, привыкшее отдавать приказы, а не спрашивать. Потом шаги ушли, вниз по лестнице, к кабинету.

Я разделась, сложила платье на стул, легла под одеяло. Оно пахло деревом и пылью, и чуть-чуть — сушёной лавандой, которую я рассыпала в шкафу с бельём, когда ещё была хозяйкой. Кто-то не убрал её. Или кто-то подсыпал заново. Я не стала думать, кто. Утром нужно было встать рано. Утром будет кабинет, и приказ, и работа, и он, сидящий напротив меня, на своём стуле, с привычным выражением лица. Я зажмурилась. Свеча на столе горела ровно, без треска. Я подумала, что если она догорит до утра, то это будет хо-

роший знак. Потом подумала, что это глупость. Потом всё-таки уснула.

Утром меня разбудил не свет, а голоса. По коридору шли двое, и один из них — женский, незнакомый, — говорил другому, мужскому, тихо, но отчётливо:

— ...и не забудь, в её комнату постелить новое бельё, из запаса. То, что там, я не знаю откуда, но пахнет так, словно его стирали ещё при прежней хозяйке. Не дай боже лорд увидит.

Я села на кровати. Бельё я не снимала, я спала в рубашке, и теперь она мятая, и волосы спутаны, и я знала, что если я выйду из комнаты, меня увидят именно такой, и это будет не та Элиса, которую они ждали. Я встала, умылась холодной водой из таза, причесалась пальцами, потому что гребень остался в узелке. Надела вчерашнее платье. Надела чистый передник — единственный, который у меня был, — повязала его потуже, чтобы не сползал. Посмотрела на себя в зеркало. Зеркало было мутное, но я всё равно увидела то, что хотела увидеть: ровное лицо, собранные волосы, ни одной лишней складки. Не госпожа. Не бывшая. Хозяйка, которая пришла работать, а не кланяться.

Я вышла из комнаты.

Коридор был пуст. В конце его, у окна, стоял Рейнар. Я не сразу его узнала, потому что он стоял спиной, и плечи у него были опущенные, как будто он привык к тому, что его слушают, и устал от этого. Потом он обернулся. Увидел ме-

ня. Я увидела его. Мы стояли в коридоре восточного крыла, в восьми шагах друг от друга, и между нами лежал свет от окна, и его пыль, и два года, в течение которых я не произнесла его имени вслух.

— Элиса, — сказал он. Тихо. Не приказ. Не просьба. Имя, которое я носила, когда была его женой, и которое он никогда не произносил в суде, когда меня вычёркивали.

— Лорд Морр, — сказала я. — Я готова к разговору.

Он кивнул. Повернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь, и я пошла за ним, и мы шли по коридору, и под нашими ногами стучал камень, который помнил обоих, и ни один из нас об этом не сказал.

Глава 2. Дорога в грязи

Повозка тряслась так, что зубы стучали. Дорога после ночного дождя развезло в рыжее тесто, и лошадь то и дело оступалась, вытягивая шею с таким усилием, будто тащила не меня, а каменную бабу. Я сидела, прижав к груди свой лечебный ящик, и считала. Не дни, не повороты, а деньги. Это было старое правило, которое я сама себе придумала ещё в первую зиму после свадьбы: если начинаешь считать, перестаёшь чувствовать. Тогда мне нужно было не чувствовать страх перед свекровью, теперь — стыд перед собой. Разница была небольшая.

Семнадцать серебряных за постой в последнем трактире. Четыре медных за вчерашний хлеб и козье молоко. Два серебряных вознице за три дня пути, если не будет поломки. Один серебряный — за починку подпруги, которую он починил сам, из кожи и гвоздя, но взял как за мастера. Итого: двадцать четыре серебряных я должна была вернуть себе до того, как въеду в ворота. Не Рейнару, не роду — себе. Потому что первое, что мне сказали на пороге трактира, где я снимала угол, было: «Вы возвращаетесь как должница кроны, госпожа Вейл». Не «Элиса», даже не «целительница». Госпожа Вейл, по бумаге, как будто меня за эти два года успели перекрыть в другой документ.

Я прикрыла глаза. В повозке пахло мокрой рожью, кон-

ским потом и той сыростью, какая бывает только в предгорьях, где камни дышат холодом. Под рукой у меня, под сло-ем тряпок, лежали сушёная мать-и-мачеха, корень лопуха, пучок мяты и три склянки с мазями. Скромно, но на лихорадку, ожог и порез хватит. А больше мне никто не обещал. В приказе, который мне вручили с печатью, было написано «для исполнения долга очага», и я до сих пор не могла решить, что меня ранило сильнее — слово «долг» или слово «очаг». Очаг — это то место, где я у Рейнара была нужна. Долг — это то, чем меня сделали без моего согласия.

Колесо застряло в колее, возница выругался негромко, и повозка качнулась. Я успела подхватить ящик, но не успела подхватить мысль. Она ушла обратно в ту ночь, когда мне вернули мои же документы с выскобленной строкой. Я тогда ещё не знала, что он сделает это так чисто, по закону, с подписью королевского поверенного, что мне даже не к чему было придраться. Потом я узнала — и стало только хуже.

— Жена лорда, опять, — бросил возница, не оборачиваясь. Он сказал это не мне, а лошади, тихо, под нос, но я услышала. В этом тракте все знали, чья я бывшая. И все уже знали, что меня возвращают.

Я не ответила. Вместо этого достала из кармана чистый платок, сложила его вчетверо и прижала к лицу. Платок был свежий, я стирала его вчера, и от него пахло мылом и чуть-чуть мятой — я сама сушила мяту в комнате над трактиром, на подоконнике. Запах был мой, не его, не замка. Я поду-

мала: «Если я сейчас заплачу, это будет его победа». Потом подумала: «Если я сейчас не заплачу, это будет моя». И всё равно заплакала, тихо, в сложенный платок, чтобы возница ничего не услышал. Не от обиды, нет. От того, что я устала быть расчётливой. Два года я считала деньги, чтобы не чувствовать, что меня вычеркнули из собственной жизни. Сейчас мне дали три дня пути, и я просчитала их до последнего медного гроша, и всё равно где-то в груди осталась дыра, в которую проваливалось каждое число.

Повозка тронулась, выровнялась. Дорога пошла в гору. Я опустила платок, посмотрела в окно. Осень здесь была не та, что в городе. Здесь она лежала на камнях, на стенах ущелья, на самой воде ручья, который бежал рядом с дорогой. Жёлтые берёзы, рыжие осины, и между ними — чернота елей, таких плотных, что они казались нарисованными. Я знала эти места. Я ездила этой дорогой к Рейнару в первый раз — тоже осенью, тоже в грязь, только тогда небо было выше и у меня не было ящика с травами. Тогда я везла приданое, расшитое покрывало и глупое ожерелье из дешёвого жемчуга, которое моя мать отдала за два месяца до свадьбы, потому что у неё не было денег на что-то лучше. Я не помнила, куда делось то ожерелье. Наверное, осталось в замке. Наверное, его сняли вместе с моим именем.

Я вытерла лицо, убрала платок обратно в карман и снова стала считать. Двадцать четыре серебряных. Девятнадцать я верну себе в первую же неделю, если мне позволят лечить

слуг. Цены я знала: лихорадка — два серебряных, ожог — один, порез — три медных, роды — пять серебряных, но роды я брать не стану, потому что с родами в этом доме связано слишком много чужой крови. Я сама себе поставила это правило. Если я не буду принимать роды, я не буду принимать на себя чужие жизни, которые мне никто не доверит. Значит, останутся лихорадки и ожоги. Значит, девятнадцать серебряных я наберу за десять дней. Останется пять. Пять серебряных — это обувь для Седь, это нитки на новые повязки, это стекло для новых склянок, потому что в лечебнице, если меня туда пустят, всё разбито.

К вечеру второго дня дорога стала уже. Стены ущелья сдвинулись, и пошёл тот самый камень, серый, в ржавых прожилках, из которого сложен замок Рейнара. Я узнала его по запаху. В детстве мне казалось, что камень пахнет железом и сыростью, потом я выучилась: он пахнет домом, если ты в нём вырос. Я не выросла. Я пришла в этот дом взрослой и ушла взрослой, но почему-то камень всё равно узнавал меня первым. Когда я вошла в замок невестой, каменные плиты в прихожей были тёплыми под босыми ногами, потому что я сняла туфли, чтобы не промочить их в луже у порога. Мне тогда сказали: «В нашем доме не снимают обувь, госпожа». Я надела обувь обратно и больше не снимала, пока не осталась одна. В ту ночь я сидела на кровати, в чулках, и смотрела на свои ступни, и они были тёплые, и каменный пол тоже был тёплый, и я подумала: «Этот дом меня слышит, даже если

они нет».

Я потрянула головой. Это были чужие воспоминания. У меня больше не было права на них. Теперь меня везли обратно, и на этот раз я не сниму обувь.

На привале возница развёл костёр, сварил кашу из мешка, молча протянул мне миску. Я ела, глядя на огонь. Каша была сварена на воде, без соли, и от неё пахло рожью и дымом. Я подумала, что надо бы попросить у него соли, но не попросила. Возница ел рядом, не глядя на меня. Он не разговаривал со мной с самого выезда, и я была ему за это благодарна. Молчание в дороге — это тоже деньги. За него не берут, и его не надо отрабатывать.

Потом он всё-таки сказал, не поднимая глаз:

— Говорят, в замке неладно.

Я промолчала. Молчание в таких случаях — лучший способ не дать чужому слуху повод.

— Говорят, проклятие, — добавил он тише. — Свечи гаснут, голоса слышно, камень трескается. Лорд Морр третью неделю не спит в собственном кабинете, ушёл в восточное крыло, там, где раньше комнаты прислуги были. Говорят, не может в собственном кресле сидеть.

Я подняла голову. Он смотрел в огонь и жевал, как будто ничего не сказал.

— Кто говорит? — спросила я.

— Люди говорят, — повторил он. — Дорога длинная, язык длинный.

Я опустила взгляд в миску. Каша остыла. Я подумала: «Вот зачем меня позвали». Не ради долга, не ради очага. Ради проклятия, которое жрёт камень и голоса, ради камина, который гаснет, ради кресла, в котором лорд не может усидеть. Ради этого меня вернули, как вещь, которая умеет разговаривать с камнем. Я почувствовала злость, потом усталость, потом что-то третье, чему я не знала названия. Не радость, нет. Скорее, ту самую тяжёлую ясность, какая бывает, когда тебе наконец говорят правду, пусть и через чужого возницу у чужого костра.

Я поставила миску на землю и полезла в свой дорожный мешок. Достала оттуда маленький свёрток, завёрнутый в чистую тряпицу, — кусок сушёной мяты, щепотка шалфея, обренок восковой свечи. Возница посмотрел с любопытством, но не спросил. Я разломила свечу пополам, положила в угли, и через минуту от костра потянуло мятой и шалфеем. Это был старый способ. Моя мать так делала, когда я была маленькой и боялась темноты. Она говорила: «Запах — это память дома, и если ты его чувствуешь, значит, ты не одна». Я тогда не понимала, что она имеет в виду. Сейчас понимала.

Возница посмотрел на меня, потом на угли, потом снова на меня.

— Вы и правда ведьма, — сказал он не то с насмешкой, не то с уважением.

— Я целительница, — ответила я. — Ведьмы жгут, я лечу. Он усмехнулся, но не стал спорить. Мы просидели у огня

ещё с полчаса, и всё это время я не считала деньги. Я слушала, как трещит уголь, как где-то далеко в ущелье перекликаются птицы, и думала о том, что в замке меня не ждут. Ни меня, ни моего ящика, ни моего запаха мяты. Меня позвали, потому что больше некого. И это было самое честное, что мне сказали за два года.

Перед рассветом мы тронулись. Дорога пошла вверх, и скоро показались первые башни. Они торчали из тумана, как обломанные зубы, и я невольно сосчитала их: семь, как и раньше. Ни одна не упала. Это было странно, я думала, что после проклятия хотя бы одна да треснула. Но семь — это семь, и это значит, что камень ещё держит, и замок ещё стоит, и кто-то в нём ещё чинит, и кто-то в нём ещё считает.

Возница придержал лошадь у поворота, откуда открывался вид на долину. Замок лежал внизу, серый, мокрый от росы, с тонкими столбами дыма над кухонной башней. Я смотрела на него и не чувствовала ничего. Это было непривычно. Когда я уезжала отсюда два года назад, я чувствовала всё сразу: облегчение, вину, злость, любовь, ненависть, стыд. Сейчас было пусто. Как будто камень узнал меня, а я его — нет.

— Мне за ворота или к чёрной калитке? — спросил возница.

— К воротам, — ответила я. — В приказе написано «вернуть в род», а не «вернуть в кухню». Пусть смотрят.

Он хмыкнул и тронул лошадь. Я прижала к себе ящик и стала считать. Двадцать четыре серебряных. Девятнадцать за

лихорадки. Пять на Седь. Один — на соль, потому что без соли кашу есть невозможно. Повозка тряслась. Замок приближался. У меня за спиной была чистая мята в платке, впереди — чужие подписи и чужой камень. Я положила руку на крышку ящика и подумала: «Ну, здравствуй, дом. Я пришла не простить. Я пришла работать».

У ворот нас никто не встретил. Дождь, который начался ещё в ущелье, здесь превратился в мелкую ледяную крошку, и она секла лицо, пока я слезала с повозки. Возница снял мой мешок, поставил на мокрый камень, посмотрел на меня.

— Удачи, госпожа, — сказал он, и я не поняла, издевается он или нет. — Хорошей вам лихорадки.

Я не улыбнулась. Я подняла мешок, подхватила ящик и пошла к воротам. Каменные створки были чуть приоткрыты, ровно настолько, чтобы пройти одному человеку с поклажей, и я протиснулась в щель, задев плечом холодный камень. Камень был холодный. Я не стала думать, что это значит. У меня не было на это времени. У меня был ящик, мешок, двадцать четыре серебряных долга и обещание, которое я сама себе дала у чужого костра: «Я не снимаю обувь в этом доме, пока мне не скажут: “Элиса, оставайся”». Пока не сказали. И я шла.

Глава 3. Чужие покои

Подъехали к воротам, когда солнце уже садилось за башни и весь замок был в той медленной синеве, которая бывает только осенью. Подковы стучали по брусчатке, возница придержал лошадь, и я впервые за долгую дорогу подняла голову.

Замок стоял на месте. Ничего не изменилось: те же стены, та же черепица, та же узкая бойница над воротами, через которую в детстве подавали знак, если во дворе был чужой. Я сама когда-то смотрела в эту бойницу. Мне было шестнадцать, и я не знала ещё, что значит быть стёртой.

Возница спрыгнул, постучал. Я осталась сидеть. Не потому что устала — хотя устала, — а потому что хотела запомнить этот двор со стороны, до того, как войду в него по чужому праву. По приказу. По королевской печати, от которой пахло воском и холодным металлом.

Калитка открылась не сразу.

Вышел Бранн. Управляющий. Его я узнала бы и с закрытыми глазами: та же медленная походка, та же привычка держать руки за спиной, как будто он заранее извиняется за то, что сейчас скажет. Лицо у него тоже было то же — широкое, тёмное, с глубокой складкой между бровями. Только складка стала глубже.

Он остановился у моего окна. Не у двери — у окна, как

к служанке.

— Госпожа Вейл, — сказал он. Не «леди Элиса». Не «моя госпожа». Просто по фамилии, как чужой. — Добрались.

Я кивнула. Вышла сама, не дожидаясь помощи. Мой лечебный ящик я прижала к груди обеими руками — он был единственной моей вещью, которую я не отдала при разводе. В нём были травы, ножи, моток чистой шерсти и маленькая жестяная коробочка с тем самым отваром, которым я снимала лихорадку у детей. Я знала, что в замке ничего этого не осталось.

— Лорд ждёт вас в кабинете, — добавил Бранн, не поднимая глаз. — Но сначала я провожу вас в покои.

— В какие?

Он помолчал. Я видела, как у него дёрнулась щека.

— В гостевые, госпожа. Западная башня, второй ярус.

Я знала эти покои. Три года назад я отдавала их дальней родственнице Рейнара, которая приезжала на свадьбу его племянника. Тогда я сама стелила ей постель и приносила горячий отвар с мёдом, потому что та боялась холодного камня. Теперь эти покои были моими. По приказу короны.

— Хорошо, — сказала я. — Идём.

Мы пошли не через главный двор, как ходили слуги, и не через парадный подъезд, как ходили гости. Бранн повёл меня длинной галереей, где пахло сырой шерстью и старой известью. Это был обходной путь. Так водили тех, кого в дом не хотели, но не могли не пустить.

Я не спросила почему. Я уже знала почему. Инара Айрвен ещё не приехала, но её уже ждали. Для неё держали чистое крыло, парадные комнаты, цветы, которые срезали утром. Для меня — гостевую башню с узкой кроватью и видом на конюшни.

У двери Бранн остановился.

— Ключ у меня, — сказал он, — но если вам что-то понадобится, пришлите кого-нибудь из слуг. Я распоряжусь, чтобы к вам подошли.

— Бранн, — сказала я. — Мои вещи. Те, что остались в доме. Где они?

Он снова помолчал. Потом тихо, чтобы не слышали в коридоре:

— В кладовой под лестницей. Я приказал их не выносить.

Я кивнула. Он открыл дверь и отошёл в сторону, не входя внутрь, как будто чужая комната могла его укусить.

Комната была вылизана. Каменный пол вымыт так, что блестел, как мокрый лёд. На столе — кувшин с водой и два стакана. На кровати — свежее бельё, холодное, пахнущее лавандой, которую я никогда не любила. На стене — голый крючок, на котором висела чужая куртка, забытая кем-то из прошлых гостей. У окна — маленький стул, слишком низкий, чтобы за ним было удобно писать.

Я поставила свой ящик на стол. Он занял половину столешницы. Я проверила застёжки, пересчитала мысленно травы — ромашка, шалфей, кора ивы, сушёная малина, мя-

та, зверобой. На месте. Коробочка с отваром тоже. Я всегда проверяла. Это был мой ритуал.

Потом я открыла дверь в боковую комнату — она была заперта. Я подёргала. Заперто.

— Бранн, — позвала я в коридор. — Там ещё одна дверь.

Он появился почти сразу. Лицо у него стало совсем тёмным.

— Эта комната заперта по приказу лорда, — сказал он. — Там хранятся старые вещи.

— Чьи?

Он не ответил. Я поняла. Там были мои вещи. Мои книги, мои зимние платья, мой маленький гобелен с лисой, которого я вышивала три зимы, мой чайник, мой свёрток с лечебными записями. Всё, что я оставила, когда уходила. Всё, что нельзя было выбросить, но нельзя было и оставить в комнате, где ночует новая невеста.

Я отпустила ручку двери.

— Спасибо, Бранн, — сказала я. — Можешь идти. Я разберусь сама.

Он кивнул. Ушёл, но шаги его были медленными. Он не хотел уходить. Я слышала, как он задержался за углом, и только потом пошёл дальше. Я знала, что он пошёл в кухню, потому что так он всегда делал, когда ему было тяжело. Шёл в кухню, пил холодный отвар, и возвращался к своим отчётам. Он так жил тридцать лет. Он так проживёт ещё тридцать.

Я сняла дорожное пальто. Повесила на крючок у двери, на тот самый, где висела чужая куртка. Потом перевесила куртку на спинку стула. Крючок остался пустым. Это была мелочь, но я почувствовала, как у меня немного отпустило плечи.

Потом я села на кровать и впервые за долгий день позволила себе ничего не делать.

Замок жил вокруг меня. Я слышала шаги в коридоре, скрип досок, где-то далеко — звон посуды в кухне. Я слышала, как хлопнула дверь в нижнем ярусе — тяжёлая, с засовом. Это была дверь в лечебницу. Значит, кто-то туда вошёл. Значит, ключ у кого-то есть. Значит, меня туда ещё не пустили.

Я вытянула ноги. Болели колени. Болели ступни. Платье было тесновато в груди — я брала его у соседки, потому что мои дорожные вещи ещё не приехали. На руке я носила тонкую цепочку, которую мне подарила мать. Это было всё моё наследство, кроме ящика и головы.

Я закрыла глаза и позволила себе тишину. Три минуты. Не больше. Потом встала, умылась холодной водой из кувшина, поправила волосы и пошла в кабинет.

Рейнар сидел за столом, как будто никуда не выходил с нашего последнего разговора. Та же поза, те же широкие плечи, та же манера держать перо двумя пальцами, как кинжал. На столе лежали три приказа, нераспечатанные, и стояла кружка с остывшим отваром. Свечи горели неровно, и

тень от его рук ходила по стенам, как маятник.

Он не встал, когда я вошла. Он ждал, что я подойду ближе. Я остановилась у двери.

— Садись, — сказал он.

— Я постою.

Он поднял голову. У него было то же лицо, что и три года назад, только жёстче. Морщины у рта стали глубже. Глаза — светлее, холоднее. Я помнила их другими. Я помнила, как они умели смеяться, и как темнели, когда я приходила поздно. Я помнила всё. Я не хотела помнить.

— Тебе отвели покои, — сказал он. Это не был вопрос.

— Мне отвели гостевую башню.

— Это лучшее, что я могу предложить сейчас.

— Рейнар, — сказала я. Я сказала это просто, без злости.

— У меня была своя комната. В ней жили мои книги, мой чайник, мой гобелен с лисой. Ты запер её.

Он отложил перо.

— Комната была отдана под нужды дома, — сказал он. — Там теперь кладовая.

— Я знаю, что там, — сказала я. — Я стояла перед дверью.

Он смотрел на меня, и я видела, как у него двигается челюсть. Он хотел сказать, что я неправильно поняла. Он хотел сказать, что он не при чём, что это Бранн, что это совет, что это печать. Он хотел сказать всё, кроме правды.

— Ты можешь войти в лечебницу, — сказал он наконец.

— И в кухни. И в архив. Я отдам приказ.

— Приказ, — повторила я.

— Да.

— Рейнар, — сказала я. — Я приехала по королевскому приказу. Ты не можешь мне приказать войти в мой собственный дом.

— Это не твой дом, — сказал он.

Я промолчала. Он тоже.

Свечи на столе дрогнули. Камин в углу, который только что горел ровно, странно зашипел и погас. Не дымил, не трещал — просто погас, как будто кто-то задул его ладонью. Рейнар посмотрел на камин. Я тоже. Угли ещё тлели, но пламя не возвращалось.

Он нахмурился. Подошёл, подбросил полено, дунул. Огонь вернулся, но маленький, синий, как больной.

— Странно, — сказал он. — Дымоход проверим утром.

Я не сказала ничего. Я знала, что дымоход тут ни при чём. Дом меня узнал.

— Мне нужно видеть лечебницу, — сказала я. — И кухни. Сегодня.

— Завтра, — сказал он.

— Сегодня, — повторила я. — У меня в ящике отвар, который снимает лихорадку. У тебя в доме трое детей с температурой, я слышала, как кашляла девочка на кухне. Я войду в лечебницу сейчас, или я сяду у двери и буду ждать, пока кто-нибудь упадёт.

Он смотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Бранн проводит тебя, — сказал он. — Элиса.

Он назвал меня по имени. Впервые за три года. Я не подала виду, что заметила. Я кивнула и вышла.

Лечебница была не в худшем состоянии, чем я ожидала. Она была хуже. Полки были пустые. Стены пахли сыростью и старым деревом. На главном столе лежали три склянки с чем-то мутным и инструкция, написанные рукой приглашённого мага, который, видимо, считал, что от зимней лихорадки помогает ромашка, настоянная на горячем вине. Я посмотрела на склянки, понюхала одну. Вино. Просто вино. Дорогое, хорошее, бесполезное.

Я поставила свой ящик на главный стол. Он занял его целиком. Я открыла, разложила травы по ячейкам, как привыкла. Потом подошла к двери и позвала кого-нибудь из слуг.

Пришла Мира. Моя бывшая ученица, теперь травница, бледная, в сером платье, слишком просторном, как будто она его сняла с чужого плеча. Она остановилась у порога, как будто боялась войти.

— Госпожа, — сказала она тихо.

— Мира, — сказала я. — У тебя девочка на кухне кашляет?

Она кивнула.

— С утра, — сказала она. — Маг сказал, что это простуда, и велел дать вина.

— Где она сейчас?

— Внизу, в кухне. Её мать с утра на ногах, некому сидеть.

Я сняла коробочку с отваром с полки.

— Я пойду с тобой, — сказала я. — Потом вернёмся сюда, и ты покажешь мне, что у тебя есть из трав.

Мира неуверенно посмотрела на дверь, как будто ждала, что оттуда сейчас войдёт Бранн с приказом не пускать меня на кухню. Никто не вошёл.

Кухня была жаркой, как печь, и пахла так, как должна пахнуть настоящая кухня: хлебом, дымом, мясом, чесноком. Я сразу почувствовала, как у меня отпустило грудь. Это был запах дома, который я помнила.

Девочку звали Тина. Ей было семь. Она сидела на лавке, завернутая в кухонное полотенце, и кашляла так, что у неё дрожали плечи. Мать — кухарка — стояла рядом и смотрела, как на работу, которую нельзя остановить.

Я подошла, села рядом, положила руку на лоб.

— Тина, — сказала я. — Ты меня знаешь?

Она мотнула головой.

— Я Элиса. Я лечила твоего брата, когда он упал с лестницы.

Она кивнула. Я помнила. Ему было четыре, он упал с чёрной лестницы, и я зашивала ему бровь, пока Рейнар стоял в дверях и делал вид, что ему всё равно.

Я налила из коробочки ложку отвара.

— Выпей, — сказала я. — Будет горько.

Она выпила, сморщилась, но выпила. Мать смотрела, не мигая. Я осталась рядом, держа руку на её запястье, считая

пульс. Мне нужно было двадцать минут. Если за двадцать минут температура начнёт падать, значит, отвар работает.

Через пятнадцать минут девочка перестала дрожать. Через двадцать — уснула.

Кухарка тихо села рядом. У неё тряслись руки.

— Госпожа, — сказала она, — мы вас ждали.

— Я знаю, — сказала я. — Спасибо.

Она посмотрела на меня, как будто хотела сказать ещё что-то. Не сказала.

Я вернулась в лечебницу, разложила новые травы, проверила склянки мага. Три из них я сразу выбросила. Четвёртую оставила, она была с настоем коры ивы, его можно было использовать. Мира стояла рядом и смотрела, как я работаю, и я видела, как у неё дрожат пальцы. Она хотела помочь, но не знала, можно ли.

— Мира, — сказала я. — Подай мне чистую тряпку.

Она подала. Я промокнула ею стол, показала ей, как правильно складывать травы, как их сушить, как проверять, не завелась ли плесень. Она слушала, как в детстве. Я заметила, что у неё на пальцах остались следы от старых ожогов. Значит, она работала с огнём, когда я уехала. Значит, её никто не учил, как правильно.

— Ты обожглась, — сказала я.

— Да, — сказала она. — В первый год.

Я промолчала. Это был первый год без меня. Год, когда Рейнар нанял приглашённого мага, который не умел заши-

вать рану. Год, когда Мира жгла руки, потому что ей не показали, как правильно держать сковороду. Год, когда я была уже стёрта, и дом начинал забывать, что такое чистая кухня.

Мы работали до позднего вечера. Я перебрала все травы, написала Мире список, что нужно купить в городе до первого снега, показала, как правильно ставить компресс, как мерить пульс у ребёнка, как отличить сухой кашель от мокрого. Она запоминала всё, и я видела, как у неё розовели щёки. Она снова была моей ученицей. На час, на два — это уже было её.

Когда я вышла из лечебницы, в коридоре стоял Рейнар. Без свиты. Без Бранна. В простой рубашке, с закатанными рукавами, как будто он тоже только что из кухни.

— Ты сняла лихорадку, — сказал он.

— Да.

— Маг обещал, что снимет.

— Маг дал вино, — сказала я. — Я дала отвар.

Он кивнул. Потом сказал:

— Останься до утра.

Я остановилась.

— Что?

— Останься, — повторил он. — До утра. В лечебнице. У тебя есть работа.

Это была просьба. Не приказ. Я слышала это по тому, как он не договорил фразу. У него не было привычки просить. Он умел только приказывать.

Я посмотрела на него. У него были тёмные круги под глазами. Он тоже не спал.

— Я остаюсь, — сказала я. — Потому что у меня есть работа. Не потому, что ты попросил.

Он кивнул.

— Я провожу тебя до покоев, — сказал он.

— Я знаю дорогу.

— Я провожу, — повторил он.

Мы шли по длинной галерее, и он молчал. Я молчала тоже. Слуги, попадавшие нам навстречу, делали вид, что нас не видят. Они не кланялись ему, не кланялись мне. Они просто исчезали в боковых дверях, как мыши. Я знала этих людей по именам. Я сама кормила их детей, сама лечила их стариков. Теперь они меня не видели.

У двери в мою комнату он остановился.

— Элиса, — сказал он. — Если тебе что-то понадобится...

— Бранн сказал, — перебила я. — Я разберусь.

Он кивнул. Потом, помедлив, протянул мне маленький свёрток. Я взяла машинально. Внутри была моя старая лечебная сумка, тёмная, кожаная, с вытертой ручкой. Я узнала её. Я шила её сама, когда мне было двадцать. Внутри лежала моя записная книжка, моя маленькая серебряная ложечка для отваров, мой первый флакон с лавандовым маслом.

— Я нашёл её в кладовой, — сказал он. — Я подумал, что она тебе нужна.

Я смотрела на сумку. Потом на него. Потом снова на сум-

ку.

— Спасибо, — сказала я наконец. — Спокойной ночи, Рейнар.

Я закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Стояла так долго, пока не перестало стучать в ушах.

Потом подошла к столу, открыла записную книжку. Там были мои старые записи: имена детей, даты лихорадок, рецепты отваров, которые я составляла сама. На последней странице — рисунок лисы. Маленький, кривой, нарисованный углем. Это Кейлан рисовал. Ему было тогда восемь.

Я закрыла книжку. Положила руку на ящик с травами. Потом на лечебную сумку. Потом на цепочку на шее.

Замок спал вокруг меня. Где-то далеко, в западной башне, тихо скрипнула дверь. Это была дверь в мою бывшую комнату. Кто-то там ходил. Может быть, Бранн проверял замки. Может быть, новая невеста уже приехала ночью, чтобы не показываться слугам. Может быть, это была тень.

Я задернула штору, разделась, легла. Бельё пахло лавандой, чужой, слишком сладкой. Я лежала и слушала, как дом дышит вокруг меня. Я слышала, как где-то внизу капает вода в лечебнице — я забыла закрыть кран. Я слышала, как потрескивает камин в моём камине, хотя я его не зажигала. Я слышала, как за стеной, в запертой комнате, тихо скрипнула половица.

Я закрыла глаза. Мне нужно было поспать. Завтра будет длинный день. Завтра я войду в архив, найду подпись преж-

ней жены, узнаю, сколько их было до меня. Завтра я увижу Кейлана. Завтра я впервые за три года буду хозяйкой на своей кухне.

Но сейчас я лежала в чужих покоях, в чужом белье, под чужим потолком, и дом впервые за три года вспомнил, как я дышу.

Глава 4. Кабинет без огня

Гонец передал мне приказ в чужом доме, на чужом столе, среди чужого чада, и я развернула пергамент так, чтобы не задеть воск. Печать легла на скатерть красно-бурым пятном, и хозяйка, у которой я снимала угол, тихо сказала: «Госпожа, вам коня бы...» — и не договорила, потому что я уже поднялась, и чашка моя осталась стоять полной.

В замок я ехала трое суток. Возница всю дорогу молчал, а на привале у моста обронил: «Жена лорда, значит, опять» — и тут же отвернулся к лошади, словно сам испугался собственных слов. Я считывала счета: мера овса, постой в Орлином, подковы, простой из-за дождя. Подковы я записала дважды, потому что руки дрожали, и переписала снова, ровно, чтобы не сорваться. На третий день повозка встала у подъёмного моста Черного Крыла, и я впервые за долгую дорогу заплакала — коротко, в рукав, как девчонка, а не как женщина, которой двадцать шесть и которая умеет сводить ожоги.

Замок встретил меня не Рейнаром. На внутреннем дворе стоял Бранн, управляющий, в своей вечной тёмной куртке, с ключами на поясе. Он поклонился — не низко, не мелко, а так, как кланяются человеку, которого уважают, но не знают, куда посадить.

— Госпожа Вейл, — сказал он, и имя он произнёс целиком, без «этой» и без «бывшей», и я увидела, как двое слуг

за его спиной переглянулись. — Лорд приказал отвести вас в гостевые покои на втором этаже, в западном крыле.

— В гостевые, — повторила я.

— В гостевые, — подтвердил он, и в его голосе не было ни злорадства, ни извинений, только привычка выполнять распоряжение. — Ваши прежние комнаты заняты.

— Чем заняты?

Он помолчал.

— Подготовлены к приезду невесты лорда, — сказал он, как режут хлеб: ровно, без хруста.

Я кивнула. Я не стала спрашивать, чья это была прихоть — Рейнара или старейшин, — потому что ответ мне не помог бы, а ноги мои всё равно уже шли за Бранном по знакомым ступеням. Замок не изменился, только пах иначе: прежде пах дымом, воском и моими же травяными отварами, а теперь — лавандой, чужой, привезённой. Где-то на кухне жгли лавровый лист, и я подумала: «Значит, готовят к приёму». Где-то в каменной кладке скрипнуло, и я подумала: «Значит, дом слышит, что я вернулась».

Гостевые покои были чистыми, тёплыми и абсолютно пустыми. Бранн распахнул передо мной дверь, отступил. Я вошла, поставила лечебный ящик на чужой стол — мой прежний, дубовый, с обожжённым углом, стоял где-то в другом месте, и я не стала спрашивать где — и сказала:

— Бранн.

— Госпожа.

— Мне нужна вода для умывания, чистая тряпица, и если можно — глиняная миска. Я устала с дороги.

Он кивнул, и портьера за его спиной шевельнулась, словно кто-то невидимый подал знак. Я осталась одна. Я села на край кровати, на которой никто никогда не спал, и впервые за трое суток выдохнула. Потом я встала, открыла ящик, разложила по полкам травы, ножи, нитки, чистые полотна, и руки мои, наконец, перестали дрожать. Делай дело — это меня всегда держало.

К вечеру за мной пришли.

Стражник, молодой, из тех, кого я в лицо не помнила, потому что в моё время при воротах стоял Ларс, поклонился и сказал: «Лорд ждёт вас в кабинете», — и я пошла за ним, и он вёл меня не тем коридором, к которому я привыкла, а длинным, через оружейную, мимо зала, где прежде висели зимние ковры, а теперь стояли лишние стулья. Я считала двери, чтобы не думать о том, что меня ждёт человек, который вычеркнул моё имя из договора.

Кабинет был тёмный, если не считать двух свечей на столе. Камин горел ровно, без треска. Рейнар сидел за столом, и впервые за все годы нашего брака я увидела, что он не поднялся мне навстречу. Он положил перо, посмотрел на меня, и я не увидела ни радости, ни стыда, ни злости — только ту холодную сосредоточенность, с которой он обычно разбирал донесения с границы.

— Сядь, — сказал он, и это было не приглашение, а рас-

поряжение, и я не села.

— Я постою, — ответила я. — Говори, зачем позвал.

— Тебя вернули в род по королевскому приказу, — сказал он, и в его голосе не было ни благодарности, ни упрёка, только точность. — Я обязан обеспечить твоё проживание и допуск в те помещения, которые необходимы для исполнения долга очага.

— Для исполнения долга, — повторила я.

— Для исполнения долга, — подтвердил он. — Кухни, лечебница, кладовые с припасами, архив. Распоряжения управляющему отданы. Бранн введёт тебя в курс дел завтра с утра.

— А спать я буду, где ты решил?

— В западном крыле. Там тепло, там тихо, там...

— Там нет моих вещей, — сказала я, и голос мой был спокойным, и руки мои висели вдоль тела, и только большой палец левой руки едва заметно прижался к указательному, как всегда, когда я говорила правду и знала, что она ударит. — Там нет моего платья, нет моего зеркала, нет моего лечебного стола. Там стоит чужой шкаф и чужая кровать, и кто-то чужой стелил мне постель, и я, Рейнар, в своём собственном доме, куда меня вернули по приказу, — прислуга.

Он поднял голову.

— Ты не прислуга.

— Тогда объясни мне, — сказала я, и шагнула ближе, и свечи качнулись от моего движения, и тени на стене за моей

спиной дёрнулись, — почему мои вещи убраны, моя комната занята, и ты говоришь мне, где я буду спать, не спросив, хочу ли я там спать.

— Потому что, — он начал, и я видела, как он ищет слова, как он привычно идёт к приказу, и я ждала, — потому что я не хотел, чтобы тебе было больно видеть чужие вещи в твоей комнате.

Я почувствовала, как у меня сжалось горло. Вот это — его молчание, его забота, его приказ спасти меня от боли. Я сглотнула.

— Мне больно не от вещей, Рейнар, — сказала я, и теперь мой голос стал тише, и в комнате стало холоднее, хотя камин горел. — Мне больно, что за меня решили.

Он встал. Он был выше меня на полголовы, и он стоял, и между нами был стол, и на столе — две свечи, и я видела, как пламя одной из них качнулось, хотя в кабинете не было сквозняка.

— Элиса, — сказал он, и впервые за этот вечер в его голосе появилось что-то живое, и я ненавидела себя за то, что узнала это. — Я делаю то, что должен.

— Ты делаешь то, что умеешь, — сказала я. — А умеешь ты приказывать.

И в эту секунду камин в кабинете погас.

Не зашипел, не осел — просто погас, как будто кто-то задул его ладонью, и в комнате сразу стало темнее, и я увидела, как Рейнар дёрнулся к очагу, и как в его руке, прежде чем

он понял, что это бессмысленно, мелькнула тень привычного жеста: взять кочергу, поправить поленья, вернуть тепло, вернуть порядок. Он не донёс руку до камина. Он посмотрел на меня.

— Это ты, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение, и в нём было что-то, что я не сразу поняла: не злость, не страх, а изумление человека, который впервые увидел, что его дом — чужой.

— Это не я, — сказала я, и это была правда. — Это дом.

Он смотрел на меня, и я смотрела на него, и между нами были стол, две свечи и погасший камин, и я впервые за два года поняла, что он меня боится. Не как лорд боится бунта, не как мужчина боится скандала, — а как человек, который привык, что его слышат стены, и вдруг слышит, что стены слышат кого-то другого.

Я отвернулась. Я подошла к двери, и у двери на крючке висело пальто — моё, тёмно-зелёное, с оборванной пуговицей, которое я носила третью зиму и которое кто-то из слуг, видно, снял с моего плеча, когда меня выводили из замка, и не выбросил, а спрятал, и повесил здесь, у двери кабинета, где я могла его увидеть, уходя. Я остановилась. Я не взяла пальто сразу, я дотронулась до него — рукав, оборванная пуговица, — и под моими пальцами ткань была тёплой, словно кто-то держал его у огня, хотя камин только что погас.

— Кто это повесил? — спросила я, не оборачиваясь.

— Не знаю, — ответил он, и голос его был негромким, и

я впервые услышала в нём не приказ, а растерянность, и мне стало от этого не легче, а тяжелее. — Я не отдавал такого распоряжения.

Я кивнула. Я взяла пальто с крючка, и в этот момент из коридора потянуло холодом, и откуда-то снизу, из кухни, я услышала, как звякнул котёл, и звук был ровный, чистый, такой, каким он бывает, когда вода только-только вскипает под нужной рукой. Я накинула пальто на плечи. Оно село по-прежнему, словно не снималось с меня два года, и я подумала, что если бы это пальто умело говорить, оно бы сказало: «Я тебя ждало».

Я вышла из кабинета, не попрощавшись. Рейнар не окликнул меня. Я шла по коридору, и пальто грело мне плечи, и каменные плиты под ногами были тёплыми, и я знала, что это не от печей, потому что печи в западном крыле топились к вечеру, а я шла в противоположную сторону.

Я дошла до своей новой комнаты, закрыла дверь, села на кровать. Я положила руки на колени. Правая ладонь пахла полынью и мятой — травами из ящика, который я только что разобрала, — левая пахла дорогой и чужим дымом. Я посмотрела на свои руки. Они были те же: шершавые, с тонким шрамом на указательном пальце, с въевшейся желтизной от аконита, с мозолью от ножа, которым я резала корни. Я сжала их в замок, потом разжала. Я встала, подошла к столу, открыла ящик, достала чистый лист и начала писать.

Я писала: «Расход. Мера овса. Подковы. Постой. Простой

из-за дождя». Я писала: «Приход. Оплата за лечение ребёнка ключницы в деревне, два зимних месяца, пять серебром, часть в долг». Я писала: «Долг. Королевский привоз, бесплатно. Постой в Орлином — семь медяков. Дорожное — четырнадцать». Я писала, пока счёт не сошёлся, пока сумма не легла ровно, пока я не перестала чувствовать в горле тот ком, с которым вошла в кабинет. Когда я подняла голову, за окном было совсем темно, и кто-то осторожно постучал в дверь.

— Госпожа, — сказал тихий голос, и я узнала Миру, мою бывшую ученицу, ныне экономку. — Бранн прислал. Вот, — и дверь приоткрылась, и она вошла с кувшином тёплой воды и чистой тряпицей, как я просила, и с глиняной миской, — и поставила всё это на стол, и посмотрела на меня, и я увидела, как у неё дрогнули губы.

— Мира, — сказала я.

— Госпожа, — ответила она, и голос её был таким тонким, каким бывает у людей, которые долго молчали, а потом увидели кого-то, кого не надеялись увидеть.

— Спасибо, — сказала я, и это было не про воду, и она это поняла, и кивнула, и вышла, и дверь за ней закрылась беззвучно, и я поняла, что в замке есть кто-то, кто меня ждал.

Я умылась. Я расстелила постель. Я легла, и пальто не сняла, и укрылась поверх него одеялом, и ткань под моей щекой была тёплой, и я закрыла глаза, и в ту же секунду услышала, как в камине, который не топился к ночи, тихо затрещали

поленья, хотя их туда никто не клал.

Глава 5. Пальто на крючке

Я вышла из кабинета Рейнара с тем выражением лица, которое сама себе запрещала. Не обида, не злость, а та ровная, хорошо знакомая мне складка между бровями, которая появляется у целительницы, когда она пересчитывает раны и понимает, что часть из них нанесена не болезнью, а человеком. Камин за моей спиной погас, и это было правильно. Я не обернулась, чтобы проверить.

Коридор был длинный, каменный, прохладный. Под подошвами — старые плиты, чуть стёртые посередине, те самые, по которым я ходила три зимы подряд, когда в этих стенах ещё числилась моим именем. Теперь плиты были те же, а имя — нет. Я шла медленно, потому что ноги гудели от дороги, и потому, что мне нужно было сосчитать шаги до лестницы. Я всегда так делаю, когда не хочу думать о главном: считаю шаги, свечи в канделябрах, трещины в штукатурке. Числа проще, чем люди.

Двенадцать шагов до поворота, двенадцать до узкого окна, девятнадцать до лестницы. На четырнадцатом я остановилась, потому что увидела на крючке у двери в гостевые покои — а это была не моя дверь, теперь я уже знала, — своё же пальто.

Старое, тёмно-зелёное, чуть ниже колен. Я узнала его по косому шву на левом плече, который сама перешивала иг-

лой, когда ещё верила, что в этом доме можно починить всё. Пальто висело аккуратно, на деревянной вешалке, а не на голлом крюке, как висят чужие вещи. Кто-то его вычистил. Мех на воротнике лежал ровно, подол был вытряхнут от пыли, и пахло от пальто сухим лавандовым порошком, который я сама раскладывала по сундукам. Запах был такой домашний, такой мой, что у меня на секунду перехватило горло.

Я огляделась. Коридор был пуст. Откуда-то снизу, с кухни, тянуло тёплым хлебом, и эта простая, ни о чём не говорящая подробность почему-то добила меня сильнее, чем сам приказ королевского гонца.

Я сняла перчатки, повесила их на крючок рядом, повесила сумку с лечебным ящиком. Потом осторожно, как берут чужого ребёнка, сняла пальто с вешалки и накинула на плечи. Мех был тёплый. Мех пах мной.

— Госпожа, — раздался за спиной тихий голос.

Я обернулась. Передо мной стояла Мира, моя бывшая ученица, а ныне экономка замка. В руках у неё была связка ключей и небольшой глиняный кувшин, прикрытый тряпицей. Она смотрела на меня так, как смотрят на человека, которого не ждали увидеть живым.

— Мира, — сказала я. — Здравствуй.

— Госпожа, — повторила она и сама испугалась, что повторила, прикусила губу. — Я... мы не знали, в какие комнаты вас. Бранн сказал, что пока гостиные, на втором крыле, и что распоряжение...

— Я поняла, — сказала я. — Распоряжение лорда. Не нужно пересказывать. Спасибо за пальто.

Она чуть покраснела, и я поняла, что это она его сюда повесила, и вычистила, и подобрала вешалку.

— Оно висело в старом сундуке, — сказала она тихо, не глядя мне в глаза. — В кладовке за бельевой. Я подумала, что ночью будет холодно, а у нас печи ещё не во всех комнатах... — она запнулась. — А вы всегда говорили, что лучше своё старое, чем чужое новое.

Я посмотрела на неё. Мира была почти на голову выше меня, но в этот момент выглядела ровно той девочкой, которую я когда-то учила отличать белену от болиголова. У неё тряслись пальцы на связке ключей.

— Спасибо, — повторила я. — Ты правильно подумала.

Она выдохнула. Я видела, как у неё опустились плечи, и я подумала, что она, наверное, держала эту ношу всё то время, пока меня не было, и никому не могла отдать.

— Пойдёмте, я покажу комнату, — сказала она, отступая. — Там уже истопили, и вода горячая стоит, и я взяла на себя смелость принести вам отвар из липы с мёдом. Дорога дальняя, у вас голос сел.

Я кивнула, и мы пошли по коридору. Пальто грело мне плечи, и под ногами наконец-то был тёплый камень.

Комната была в восточном крыле, та самая, в которой когда-то останавливалась кухня королевы. Я узнала её по узкому окну с витражом, по свету, который падал на пол косо,

как в детстве. Кровать была большая, с балдахином, застеленная свежим бельём, и на подушке лежала веточка сушёной лаванды. На столе у окна — кувшин с водой, тарелка с хлебом и сыром, маленькая плошка мёда, и тот самый глиняный кувшинчик, который несла Мира. Всё было разложено аккуратно, не казённо, а по-домашнему.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо, Мира.

Она поставила кувшинчик на стол, и я заметила, что у неё на запястье — старый синяк, почти заживший, желтоватый. Я не спросила. Не сейчас.

— Госпожа, — сказала она у порога, — если вам что-нибудь понадобится ночью, моя комната внизу, рядом с кухней. Там сейчас служанки спят, но одна из них, Тави, всегда при мне.

— Хорошо, — повторила я. — Иди спать, Мира. Утром мне понадобится твоя помощь в лечебнице.

Она быстро кивнула и ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Я слышала, как её шаги затихли на лестнице, и только тогда села на кровать.

Ладно. Я дома.

Я не сразу поняла, что подумала это слово. Оно пришло само, без разрешения, и я отчётливо услышала, как оно стукнулось в рёбра. Дома. Не в смысле "к себе", а в смысле "в стены, которые помнят мои руки". Я потянула с плеч пальто, повесила его на спинку стула, и по ткани прошлась ладонью — проверила, не помялось ли. Не помялось.

Я разделась, умылась тёплой водой из кувшина, выпила половину липового отвара. Он был сладковатый, с лёгкой горчинкой, и я узнала в нём ту самую пропорцию, которую всегда заваривала сама. Мира ничего не забыла. Это было одновременно утешение и тяжесть. Когда тебя помнят по мелочам, ты уже не гость. Ты — отпечаток.

Я легла, укрылась, и долго лежала с открытыми глазами, слушая, как устраивается на ночь замок. Скрипнула ставня внизу, кто-то прошёл по коридору, пробили часы в башне — десять, медленно и низко. Потом вторая башня ответила, и третья, и я лежала, считая удары, и думала, что этот дом разговаривает сам с собой, и я всегда слышала в этом разговоре что-то похожее на кашель.

Потом я уснула.

Разбудил меня голос. Не человеческий — голос шёл из стены. Тихое, сухое шуршание, будто кто-то водит пальцем по штукатурке с другой стороны. Я села, прислушалась. Сначала мне показалось, что это сквозняк в печной трубе, но сквозняк не повторяет слог.

— ...ли...

Я подождала. Сердце у меня стукнуло сильно, я положила руку на грудь и почувствовала, как под пальцами быстро бьётся пульс.

— ...ли-са...

Голос был незнакомый. Женский, низкий, такой, каким бывает голос, когда человек очень давно не разговаривал

вслух. Я поднялась, подошла к стене, на которой висел гобелен с зимним лесом. Поднесла ладонь к штукатурке. Камень был чуть тёплый, теплее, чем должен быть в непротопленной комнате.

— ...если ты... слышишь... — шёпот стал тише, и я едва разбирала слова. — ...не уходи... как мы...

— Кто здесь? — спросила я тихо, потому что в замке не принято разговаривать со стенами, но я давно перестала быть принятой в этом замке.

Шорох прекратился. Я постояла ещё минуту, приложив ладонь к камню. Тепло ушло медленно, как уходит сон, и я почувствовала, как у меня сводит пальцы. Я отошла, села обратно на кровать, натянула на колени одеяло.

Я знала, что мне не приснилось. Я знала это так же, как знаю разницу между лихорадкой и испариной. Дом со мной разговаривал.

Первой моей мыслью было — Рейнар. Второй — старейшина. Третьей — что мне нужно выпить остаток отвара и лечь обратно, потому что у меня был длинный день, и завтра будет длинный день, и я не имею права разваливаться в первую же ночь. Я выпила отвар, закуталась в одеяло с головой, и долго лежала, пока стена за гобеленом молчала. Но я знала, что она не спит. И что она меня слышит.

Утром меня разбудил звук, который я узнала бы где угодно: грохот котла в кухне. Этот звук, тяжёлый, медный, с гулким эхом, шёл снизу, и я сразу поняла, что он неправильный.

Так котёл не звучит, когда в нём нормальная вода. Так котёл звучит, когда в нём воздух, и кто-то пытается разжечь под ним сырые дрова.

Я натянула пальто прямо на ночную рубашку, сунула ноги в сапоги, схватила лечебный ящик и побежала по лестнице. Кто-то из слуг, увидев меня в таком виде, отшатнулся, но я не остановилась.

Кухня была в самом конце нижнего коридора, за кладовой, и когда я распахнула дверь, передо мной открылась картина, которую я видела сотни раз, но никогда — в этом доме. Под огромным медным котлом сидел на корточках мальчик-поварёнок, лет двенадцати, и пытался раздуть огонь. Рукав его рубашки был чёрный, и от него шёл запах палёной шерсти и крови. Рядом, на низкой скамейке, сидела кухарка, держась за сердце, и смотрела на мальчика так, как смотрят на своего ребёнка, которому нельзя помочь. Ещё двое слуг топтались у стены, не зная, что делать.

— Дай сюда руку, — сказала я мальчику, и он вздрогнул, и поднял голову, и в глазах у него было то самое выражение, которое я знала по сотням ожогов: страх и стыд. — Не бойся, дай сюда.

Он протянул руку. Рукав я срезала ножом, который кто-то услужливо подал, не глядя. Под тканью было красное, волдырём, и в одном месте — чёрное, глубокое, до мяса. Мальчик стиснул зубы, но не закричал. Кухарка тихо заскулила.

— Мира, — сказала я, не оборачиваясь, потому что знала,

что она здесь. — Принеси масла зверобоя, чистого, не того, что для ламп. И бинт. И холодной воды.

Через минуту она была рядом. Руки у неё не тряслись. Она слышала мою интонацию и подчинилась ей раньше, чем успела подумать. Я промыла рану, наложила повязку, перебинтовала, и только тогда посмотрела мальчику в глаза.

— Как тебя зовут?

— Тир, госпожа, — прошептал он.

— Тир, — сказала я. — Больше не лезь к котлу без меня. Понял?

Он кивнул, и я заметила, как у него на щеках выступил пот, и как кухарка одной рукой закрыла себе рот, а другой перехватила его за плечи. Я поднялась.

Котёл стоял на очаге, и в нём действительно было пусто. Дрова под ним не разгорались, и кто-то из слуг уже нёс ведро с водой, и я жестом остановила его.

— Поставь сюда, — сказала я, и показала на крюк над очагом. — Нет, на крюк. Дальше от огня.

Я наклонилась к очагу, положила обе ладони на чугунную плиту, закрыла глаза и позвала. Не словом, а тем, чем зовут в этом доме: вниманием, дыханием, намерением. Я не знала, получится ли. Я знала, что у меня раньше получалось. Дрова под котлом занялись разом, ровным, жарким огнём, с тем лёгким гулом, который я слышала, когда была здесь хозяйкой. Вода в котле пошла мелкой дрожью, потом забурилась, и через минуту котёл дал чистый, ровный пар, без горечи и

без накипи.

Кухарка заплакала. Мира стояла у стены, и я видела, что у неё мокрые ресницы. Мальчик Тир смотрел на меня снизу вверх, прижимая к груди перевязанную руку, и в его взгляде было то самое выражение, которое я никогда не умела переносить спокойно: чистая детская благодарность.

Я выпрямилась, отряхнула ладони и сказала:

— Завтрак через полчаса. На всех. И отдельно — тёплое питьё для Тиры. Мира, покажешь мне, где сейчас ваша лечебница.

Мы вышли из кухни. Мира шла чуть впереди, и я видела, как у неё дрожат плечи.

— Госпожа, — сказала она у двери в коридор, и голос у неё был совсем тихий. — Он... уже вторую неделю сам пытается. Котёл не слушается ни его, ни кухарку. И приглашённый маг из столицы не смог. Он уехал вчера, сказал — "не моя специализация".

— А твоя? — спросила я.

— Моя — ваша, госпожа, — сказала она просто. — Вы меня учили.

Мы шли по коридору, и я молчала, и Мира молчала, и между нами лежало всё то, что не было сказано за эти месяцы. Утренний свет падал на каменные плиты косо, через узкие окна, и я видела, что плиты были тёплые, теплее, чем должны быть в неотапливаемом коридоре. Я положила руку на стену, и стена была тёплая. Я убрала руку.

Лечебница была в западном крыле, в бывшей комнате для гостей, и от неё пахло пылью и старыми травами. На полке стояли четыре банки, две из них — пустые, в одной — засохшая мать-и-мачеха, в другой — что-то неопределимое, что я даже не стала трогать. На столе лежала тетрадь, исписанная аккуратным почерком Миры, с перечнем того, что было нужно, и тем, чего не было. Стол был не мой. В моём ящике травы лежали по левую руку, бинты — по правую, банки — на верхней полке. Здесь всё было не так.

Я открыла свой ящик, поставила его на стол, и Мира, не спрашивая, переставила банки так, как я любила. Я не сказала ей спасибо. Она не ждала. Мы работали.

К полудню у лечебницы стояла очередь из шести человек. У двоих были мелкие порезы, у одного — нарыв на пальце, у женщины из прачечной — воспалённые глаза, у мальчика Тира, который пришёл сам, не дожидаясь, пока его позовут, — лихорадка от ожога, и его я приняла первой. У последнего в очереди я не сразу поняла, что болит: он просто стоял, и молчал, и у него тряслись руки, и я положила ему на запястья тёплые камни, и дала воды, и сказала: "приходи завтра, я посмотрю".

Одна я не справлялась. Я знала это. Я знала, что мне нужна помощь, и что единственный человек, который мог помочь, стоял наверху, в своём кабинете, и привык отдавать приказы голосом, который я только что слышала. Я отправила Миру к нему с запиской, написанной на клочке пергамен-

та, который я вытащила из своего ящика: "Мне нужен второй стол в лечебницу. И масло зверобоя, две банки. И ещё хотя бы одного ученика, если у вас есть." Подписи я не ставила. Он знал мой почерк.

Ответ пришёл через час. Его принёс Бранн, не Мира. Бранн вошёл, огляделся, поставил на пол большую корзину, в которой лежали две банки масла, бинт, чистая ткань, и свёрнутый в трубку пергамент с королевской печатью. Я сразу узнала эту печать: тот самый приказ, по которому меня вернули.

— Лорд Морр приказал передать, — сказал Бранн ровно. — Стол будет к вечеру. Ученика он не обещал, но спросил, не подойдёт ли Седа.

— Подойдёт, — сказала я, и у меня перехватило дыхание, потому что Седа была деревенской сиротой, которую я нашла в этой же лечебнице, и о ней я не вспоминала три месяца. — Где она сейчас?

— В людской, госпожа. Вымоет руки и придёт.

Бранн хотел уйти, но я остановила его.

— Бранн, — сказала я. — Скажи лорду, что в кухне котёл работает. Пусть не трогает его. И что в лечебнице я буду с утра до ночи, и если ему что-то нужно, пусть присылает записку, а не приходит сам.

Бранн смотрел на меня долго. У него было лицо человека, который слышал много приказов, и не все из них выполнял, но этот — мог.

— Передам, госпожа, — сказал он, и впервые за это утро я увидела у него в уголках рта что-то, что можно было назвать улыбкой.

Седа пришла через десять минут. Она была выше меня на полголовы, рыжая, с обожжёнными солнцем руками, и от неё пахло дымом и ромашкой. Она влетела в лечебницу, как маленький ураган, и, увидев меня, замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.